

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В ПРОЗЕ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО
(на материале «Слов по Пятидесятнице»)**

Сомов Сергей Эдуардович

заведующий кафедрой литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Слова по Пятидесятнице («Слово в неделю двадцать третью по Пятидесятнице» и «Слово в неделю двадцать четвертую») являются одними из первых ораторских произведений, созданных и произнесенных Белорусским епископом Георгием Конисским на Могилевской кафедре. Неделя двадцать вторая (двадцать второе воскресенье) после Пасхи 1755 года стала историческим днем для Могилева и всей Беларуси: именно в этот день Георгий впервые приехал в Могилев и с амвона древней Богоявленской церкви братского монастыря произнес первую свою епископскую проповедь к своей пастве. Указанные выше проповеди были сказаны им в последующие два воскресенья за Божественной литургией.

В словах по Пятидесятнице Георгий развивает идеи, выраженные им в «Слове при вступлении на паству», где главной темой является долг еписко-

па быть учителем народа и, не взирая на чины и звания людей, пророчески проповедовать им Слово Божие, обличая и исправляя пороки, нравственные преступления. В «Слове на неделю двадцать третью» он сравнивает себя со стражем, который не только охраняет народ от бед, но и предупреждает о грядущем воздаянии за грех: «Учил я себя и увещевал, в слух всех вас, да буду у вас аки страж, на страже стоя и возвещаю меч Божий, грядущий на ходящих путем незаконных (Иезек. 33, 8), или что Апостол Павел о себе сказал, да не обинуясь возвещу вам всю волю Божию (Деян. 20, 27)» [1, с. 59].

Уже в самом начале своего обращения к пастве Георгий устанавливает временной вектор, устремленный к неопределенному по дате, но чрезвычайно важному событию в будущем, а именно – ко Второму Пришествию в мир Иисуса Христа, т.е. к Страшному Суду и окончательному воздаянию за грех. Временные рамки, которые создаются в художественном тексте Георгия, приобретают весьма широкие характеристики. Время реальное, в котором живет сам оратор и его слушатели, отмеченное конкретными маркерами в языке слова – «в прошедшую неделю», «ныне» и др., – связывается со временем реально-мистическим, в котором ожидаются события великие и необыкновенные, имеющие определяющее значение для сегодняшнего сознания и поведения людей и являющиеся предметом их религиозной веры и специфического религиозного знания, основанного на Откровении.

Главным основанием для спасения души у христиан является Слово Божие, т.е. библейский священный текст, открывающий им замысел Бога о человеке и тайны премудрости Божией, пути к очищению и Царствию Небесному. А поскольку речь идет уже о трансцендентном существовании человеческого духа за пределами видимого бытия, то время реальное и реально-мистическое преломляется в «живот вечный», т.е. во время собственно мистическое, совершенно отличное от реального, утрачивающее основные его характеристики.

Приметами реальной жизни выступают преимущественно негативные события, грехи и многочисленные страдания людей. Время мистическое, вечность с Богом, обладает намного более позитивными приметами. Будущая «вечность» противопоставляется настоящему как нечто совершенное – несовершенному, низкому: «...Знаю бо, – говорит Георгий, – что всякому и нужен и вождеден живот блаженный и вечный. И временный сей живот, различных бедствий, трудов, беспокойств, печалей, немощей, гонения, глада и хлада, уз, темниц и ран преисполненный, так мил человеку, что мы смерти – хотя с нею оканчиваются и прекращаются все беды наши – больше всего боимся, отвращаемся и убегаем. А ежели тяжкий, болезненный, страдальческий живот любезен нам; то сколь несравненно должен быть любезен тот вечный живот, в нем же, по сказанию Тайновидца, несть ни плача, ни вопля, ни болезни, ни смерти (Апок. 21, 4)» [1, с. 59–60].

В образно-символическом отношении время мистическое представляется Георгию как «град живота вечного» или как «вечеря живота вечного», т.е. временные характеристики увязываются в его речи с пространственными, и качество вечного существования души с Богом выражается в образах пространственного и предметного содержания: «Веселят очи наши прекрасныя здания и палаты богато убранныя: кого же не может возвеселить град живота вечнаго, в Откровении Иоанновом описанный, новый святыи Иерусалим, имущий славу Божию» [1, с. 60]. Состояние высшего и вечного блаженства выражается в детализации описания Горнего Иерусалима, в котором стены украшены драгоценными камнями, едою является манна, а питьем – непостижимое «новое вино», и при этом бесконечно звучит «чудная мусикия горних обителей».

Характеризуя жизнь нынешнюю и жизнь возможную в будущем для верных сынов Бога, Георгий подчеркивает временность всех наслаждений и удовольствий реального мира в противовес бесконечному блаженству мира запредельного: «Впрочем, все вещи в житии настоящем, хотя бы были прекрасныя для взора и сладчайшыя для чувств наших, таковы уже по натуре своей, что сегодня или завтра они оставят нас, или мы с ними расстанемся. А напротив в животе вечном все вечно, и всегда вечным пребыть должно» [Там же]. Подлинность вечности подчеркивается Георгием с использованием в слове примет временной «текучести» реального бытия: «Пробежат веки целые, как години: но в вечной красоте селений небесных не сделают никакой перемены. Пройдут миллионы тысячелетий: но изобилию дома Божия ни малейшего не последует оскудения. Не возможет исчислить времени и самый Ангельский ум: но и тогда празднующих Святыих не умолкнут веселие и лики. Такова-то вечность, таково блаженство живота вечнаго!» [1, с. 60–61].

Это совершенное во всех отношениях мистическое пространство-вечность, по глубокому убеждению проповедника, преломляется в «слове Божием», раскрывается только в нем. Ключевую роль здесь играет обращенность земного человека к добру, к спасению, к Богу. Для христиан таковым путем к добру выступает Спаситель-Христос. И поскольку сутью храмового слова выступает раскрытие догмата о Христе, главное внимание в проповедях Георгий всегда уделяет той роли, которую Спаситель играет в мировой истории. Образ Христа в словах Конисского является связующим звеном не только настоящего и будущего, вечного, но и всего временного (прошлого – настоящего – будущего), от сотворения мира до его конца и вечности, а также всего пространственного (подземного (имеется в виду ад, из которого Христос освободил грешников) – земного – небесного): «Его сошествие на землю возводит нас на небо; – возглашает Конисский, – Его святейшая кровь есть цена нашего спасения; Его

крестная смерть – победа нашей смерти. Он и воскрес для того, да мы постигнем в блаженное воскресение...» [1, с. 61].

Однако данная позитивная картина пространственно-временных отношений земного и небесного, конечного и вечного миров является, по вере Георгия, далеко не полной, поскольку в этом мире живут не только добрые христиане, стремящиеся к соединению с Богом, но и весьма злые люди, «которые в ослеплении ума и ожесточении сердца, мечтают, будто здешняя земная жизнь составляет крайний предел бытия» [Там же]. Таковым людям, даже не задумывающимся о жизни вечной, уготован иной путь, в иные пределы этой вечности, только уже без Бога, т.е. во тьму, в ад.

Характеризуя мировоззренческий выбор между добром и злом каждого человека, Конисский пользуется традиционным сравнением с движением человека в пространстве, а именно с необходимостью идти либо по одной, либо по другой дороге, но не одновременно по двум сразу: «Как путешественник, пришед на распутие, ежели оставит одну дорогу, то должен непременно идти по другой; так человекам предлагается, прешед поприще жития земнаго и вступив на дорогу вечности, ежели не с овцами стати, то с козличами; ежели не на небо пойти, то прямо в геенну» [Там же]. Картина этой «поврежденной вечности», противопоставленной Царствию Небесному, рисуется Георгием с использованием традиционных предметно-символических библейских образов «вечного пламени», «горящего горнила», «восходящего дыма», «неусыпаемого червя», «скрежета зубовного», «тьмы вечной» и т.п.

Таким образом, в основе художественного хронотопа ораторской прозы Георгия Конисского лежит православное религиозное миропонимание, в котором вечность, объемлющая все временное бытие видимого мира, описывается с помощью пространственных характеристик и разделяется на Царство Небесное и преисподнюю. Мир видимый, в котором протекает жизнь человека и всех иных существ, имеет в целом (для всего мироздания) вектор движения к финальному Страшному Суду и вечности, а в частности (для каждого отдельного человека, в зависимости от его нравственного выбора) два вектора – к Свету или во тьму.

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литогр. Я. Н. Подземского, 1892, 470 с.